

Евгений Гиренок

ДЫХАНИЕ ОТНЯ. МЕТАНОЙЯ

18+

Евгений Гиренок

Дыхание огня. Метанойя

«Автор»

2026

Гиренок Е.

Дыхание огня. Метанойя / Е. Гиренок — «Автор», 2026

Можно ли опоздать на встречу с самим собой? Когда в жизни главного героя появляется таинственный двойник, привычная реальность рушится. Чтобы найти ответы, ему предстоит заглянуть в самые темные уголки своей души и столкнуться с вопросами, на которые страшно отвечать: кто он на самом деле и что происходит вокруг? Убийца ли он, скрывающий правду даже от себя, или всего лишь жертва обстоятельств, запутавшаяся в паутине чужих интриг? Погоня за собственным отражением превращается в опасное путешествие, где на кону — не только личность, но и сама жизнь.

© Гиренок Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	20
Глава 5.	25
Глава 6.	29
Глава 7.	32
Глава 8.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Гиренок

Дыхание огня. Метанойя

Глава 1.

1998 год.

Взгляд бармена мне сразу не понравился. Я не люблю, когда на меня смотрят оценивающе, словно пытаюсь заглянуть в мою душу. Или в бумажник, но это уж совсем моветон, я в таких случаях сам становлюсь невероятным хамом. Но сейчас я сделал скидку на профессиональную деформацию человека за стойкой и вежливо поздоровался:

— Добрый вечер.

Он растянул тонкие губы в приветливой полуулыбке, блеснув ровными белыми зубами, и предложил:

— Присаживайтесь. У нас здесь уютно. Хотите выпить?

Я огляделся. Обстановка действительно располагала к приятному времяпрепровождению. Призывно поблескивающие батареи бутылок с разноцветными этикетками на полках, разнокалиберные ряды стеклянных бокалов, негромкая музыка, таинственный полумрак небольшого зала с несколькими круглыми столиками — все, как я любил. Очень необычно выглядел черный потолок — я никогда не видел раньше таких, он вызывал почти мистическое ощущение космической бездны, разверзшейся над головой. И особенно мне понравилось, что здесь почти не было посетителей — три человека на высоких табуретах возле стойки, да молодая парочка в дальнем углу. Никто даже не обернулся на меня.

В этом баре я никогда раньше не бывал и даже не подозревал о его существовании, пока Лисичка не предложила встретиться здесь — у нее был какой-то важный разговор ко мне. Откровенно говоря, мне вообще не хотелось сегодня выходить на улицу — я набрал в прокате новую порцию видеокассет и уже предвкушал, как расплывусь в своем любимом кресле с пультом от телевизора и буду пить черный тягучий стаут из высокого стакана с толстым дном и ножом цеплять из картонной коробки треугольные куски пиццы на тонком тесте, но все планы спутал телефонный звонок.

Голос Лисички был взволнован:

— Джем, мне срочно надо увидеть тебя.

Я проворчал:

— Ну так и в чем проблема? Приходи, я дома. Вообще, странно, что ты звонишь, а не заваливаешься ко мне нежданчиком в два часа ночи, как в прошлый раз...

Она резко оборвала:

— Слушай, мне сейчас не до постельных дел, у меня реально неприятности. Можешь через полчаса прийти в «Ярви»?

— А что это и где?

Лисичка удивилась.

— Ты не бывал там, что ли? Это классный подвальчик в твоем районе, на Гоголя.

Я вздохнул.

— Может быть, все же лучше у меня?

Она жестко отрезала:

— Нет. Точно не сегодня. Через полчаса в «Ярви», — и отключилась.

Я с раздражением бросил трубку на рычаг белого аппарата на журнальном столике, как будто он был виноват в том, что планы на вечер кардинально менялись. Я терпеть не мог, когда Лисичка вот так запросто врывается в мой мирок, который я выстраивал с такой тщатель-

стью, и, словно торнадо, превращала его в бардак. Еще можно было пережить, когда этот вихрь подхватывал нас и бросал на кровать, Лисичка умела возбуждать страсть, но меня реально напрягало потом выслушивать ее мелкие псевдоновости и лавировать в потоке глуповатых рассуждений о жизни. И уж тем более мне не хотелось куда-то тащиться из-за нее поздним осенним вечером.

На самом деле Лисичка была девушкой Сиды — нескладного долговязого парня в растянутой футболке и неизменной бейсболке с логотипом *Red Hot Chili Peppers*. У нас с ним был довольно прибыльный гешефт, криминальный, конечно, но позволяющий иметь денег в достаточном количестве для того, чтобы со спокойной уверенностью смотреть в завтрашний день. Наверняка Сид знал о том, что Лисичка иногда спит со мной, но никогда не поднимал эту тему — я подозревал, что ему вообще было на это плевать.

Я не пытался постичь всю глубину их отношений, но понимал, что Лисичку они не очень устраивают. Ей всегда хотелось драйва и веселья, а Сид был склонен к долгим погружениям в пучину депрессии и самокопания. В такие моменты он позволял себе рискованные эксперименты со всякого рода алкогольными напитками и даже с веществами, расширяющими сознание, считая, что это помогает ему познать тайны мироздания. Иногда я составлял ему компанию, и мы по несколько суток могли находиться на околоземной орбите, приходя в сознание лишь для того, чтобы пополнить запасы топлива для полетов.

Но последние две недели я не видел ни Сиды, ни Лисичку, проторчав в Питере — мне подвернулось выгодное дельце, которое значительно пополнило мой бюджет. И теперь я даже задумывался о том, чтобы на зиму уехать куда-нибудь на острова — например, на Тенерифе. Останавливало только то, что у нас с Сидом было еще одно незаконченное дело.

Лисичка опаздывала, но для нее это было нормально — она в жизни никуда не пришла вовремя. Я спросил у бармена:

— Есть у вас стаут?

Он с достоинством повел головой, словно английский лорд.

— Да, конечно. Трех сортов. Я рекомендую *Guinness Draught*, ирландский стаут, это для настоящих ценителей. Вижу, вы из них.

Я внутренне слегка улыбнулся такой неприкрытой лести — прием срабатывает всегда безупречно, я сам часто его использую в практической деятельности, но в то же время испытываю неподдельное удовольствие, когда льстят мне.

— Хорошо. Давайте ирландца. У вас можно курить?

Бармен с тихим стуком поставил тяжелую пепельницу на темную блестящую столешницу и сделал приглашающий жест. Я уселся на табурет и, достав из кармана мягкую пачку *Lucky strike*, выбил сигарету и покрутил ее пальцами. Бармен элегантно протянул руку и, щелкнув золотой зажигалкой *Zippo*, дал мне прикурить. Потом взял высокий стакан и начал медленно наливать в него темный напиток, не давая ему сильно пениться.

Я внимательно наблюдал за ним — было что-то необычное в его внешности, хотя в целом он производил очень благоприятное впечатление. Безупречно белая рубашка, черная жилетка, галстук-боло с крупным зеленоватым камнем — эталонный образ, вполне достойный столичного респектабельного ресторана или фешенебельного отеля, а не подвала в карельской глуши. Но я обратил внимание на странную форму ушей бармена — они слегка заострились кверху, вызывая ассоциации с доберманами, когда им подрезают уши в виде пламени. И это придавало его облику какой-то хищный вид, вызывая легкий диссонанс — словно человек был не на своем месте. Он более органично смотрелся бы где-нибудь за покерным столом в казино или за рулеткой — я видел подобных людей, у них прижатые от напряжения уши, особый блеск в глазах и трепещущие от запаха денег ноздри.

Я украдкой рассмотрел своих соседей. Слева от меня сидел высокий грузный мужчина и смотрел отсутствующим взглядом в пространство перед собой. Рядом с ним стоял недопитый

бокал с вином, но он не проявлял к нему никакого интереса. Просто сидел и молчал. Я никогда не пытаюсь первым заговаривать с людьми в подобных заведениях, но сейчас у меня разыгралось любопытство — я с удовольствием порасспросил бы его, о чем он думает.

А справа расположились два каких-то волосатых парня — судя по выплывшим до белизны джинсовым курткам, то ли художники, то ли музыканты. Один из них был крупный, с круглым пивным животом и огромными лапищами. Я обратил внимание на множество кожаных браслетиков и фенечек на его широком запястье, и на обилие дешевых перстней на толстых пальцах.

Второй мне показался каким-то блеклым, скользким, незаметным. Редкие жидкие волосы свисали до плеч какими-то сосульками, и он время от времени поправлял их, зачесывая за уши. Беглого взгляда на полузакрытые веки отдыхающих мне хватило, чтобы понять их состояние — они явно находились в параллельной реальности и просто полировали пивом свои ощущения. Им не нужно было общаться, они просто по очереди вздыхали и многозначительно трясли головами. Я даже немного позавидовал их нирване — мои полеты в космос обычно протекали не столь благодушно.

Бармен поставил передо мной стакан на круглой картонной подставке и сказал:

— Приятного вечера.

В этот момент послышался звук открывшейся двери, и тут же зацокали женские каблучки. Я уловил шелест плаща и, даже не оборачиваясь, знал, что он желтый. Лисичка любила эффектно одеваться, ее невозможно было не заметить в толпе — высокая, стройная, огненно-рыжая, с огромными синими глазами на веснушчатом лице, она неизменно привлекала внимание окружающих. И сейчас даже волосатые вынырнули из своей нирваны, уставившись на нее мутными глазами, а бармен приветливо улыбнулся и поздоровался.

— Добрый вечер, Лийса.

Она хмуро кивнула.

— Привет, Стас, — и потянула меня за рукав. — Джем, пойдем за столик сядем.

Я спросил:

— Ты хочешь что-нибудь выпить?

Она помотала головой.

— Нет, не надо. Возьми мне бутер какой-нибудь, я есть хочу.

Бармен Стас сказал:

— Я принесу, не беспокойтесь.

Мы уселись в углу, и я наконец-то сделал глоток из своего бокала — стаут действительно оказался отменным. Аккуратно поставив бокал обратно на картонку, я вопросительно посмотрел на Лисичку. Она тут же наклонилась над столиком и очень приглушенным голосом быстро заговорила:

— Джем, это кошмар! Самый настоящий кошмар! Сид сошел с ума, и его увезли в дурку.

Мои глаза ошарашено распахнулись.

— В смысле? Реально, что ли?

Лисичка раздраженно выругалась:

— Блин, ты думаешь, я шутить сюда пришла? Там ужас что творится. У него бак засветил так, что он все зеркала дома перебил — я задолбалась осколки собирать по всей квартире.

Я осторожно поинтересовался:

— Он чем-то запрещенным вкинулся? Или допился? Я не видел его давно, меня не было в городе...

Она нервно передернула плечами.

— Да кто его разберет... Я по делам уходила, пришла, а там такая дичь...

— Вы с ним не ссорились до этого?

Лисичка презрительно сморщила нос.

— С чего нам ссориться? Мы вообще никогда не ссоримся... Он ведь человек такой — его ничем не прошибешь.

— Да и тебя особо тоже, — усмехнулся я. — Чего ты сейчас так всполошилась? Ну отлежится несколько дней, в себя придет, выпустят...

Лисичка с горячностью возразила:

— Ты его не видел, Джем, иначе так спокойно бы не говорил. От него только оболочка осталась — такое впечатление, что из человека жизнь вышла. Мне кажется, это надолго.

Я вздохнул.

— Это плохо. У нас есть дела.

Лисичка неожиданно зло выпалила:

— Вот! Из-за этих дел мне уже звонил какой-то упырь. Угрожал мне.

Я поразился — про наши дела с Сидом никто не мог знать, просто исключено. Может, Лийса просто не так что-то поняла? Я уточнил:

— Ты ничего не путаешь? Кто тебе звонил? Что говорил?

В этот момент к столику подошел бармен и поставил тарелку с двумя треугольниками сэндвичей. Лисичка машинально поблагодарила его и, дождавшись, пока он уйдет, тихо пояснила:

— Хрен его знает, кто звонил. Голос незнакомый. Спросил, это Лийса? Я говорю, да. Он такой — слушай сюда, кобыла. Нам Сид должен кое-что. Мы не можем его найти. Ты его предупреди, что он с огнем играет. У него срок до завтрашнего вечера. Если не вернет, то всем будет плохо. И начнем с тебя... Джем, я реально испугалась. Мне очень страшно. Помоги мне, разрули эту ситуацию.

Я возразил:

— Лийса, я тебе точно говорю, это не из-за наших дел. Я реально не знаю, кто это, и что им нужно. Сид мог и сам в какой-то блудняк влезть, я здесь ни при чем.

Она с горячностью вскинулась:

— Так тогда тем более помоги мне, Джем! Я-то что сама могу сделать? Я вообще не понимаю, о чем идет речь, а от этого козла теперь ничего не добьешься...

Я задумался. Мне совершенно не хотелось влезать во все это. Одно дело — трахаться с Лисичкой, и совсем другое — трахаться с ее проблемами. Но в то же время я как-то отчетливо понял, что мне не удастся соскочить, поэтому нужно было придумать, как решить дело с минимальными усилиями.

— Может, тебе уехать на время из города? Съездишь на юг, в Крым, допустим, там тебя никто искать не будет. Там еще тепло наверняка, отдохнешь, позагораешь месячишко, а за это время все само собой утрясется...

Лисичка сварливо возразила:

— Да откуда столько денег-то? Месяц в Крыму... Смеешься, что ли?

Я удивился:

— В смысле? У вас должно быть нормально с деньгами, мы же с Сидом хорошо подняли в августе...

Она только рукой махнула.

— Были какие-то деньги, да, я точно не знаю, сколько. Но он сказал, что скоро разбогатеет по-настоящему, он вроде куда-то удачно вложился.

Я вытаращил на нее глаза.

— Вот это новость. Слушай, там реально много было. Если он решился куда-то запихнуть такую сумму, то он дурак.

Она скривила в грустной ухмылке красивые пухлые губы.

— Так это уже доказанный факт. Раз он в дурке даже...

Я хмыкнул.

— Ну если ты еще в состоянии шутить, значит, все не так плохо...

Лисичка спросила:

— А может, я у тебя поживу?

Такая перспектива меня абсолютно не обрадовала. Выносить общество Лисички я мог очень дозированно, никакой секс не компенсировал полное отсутствие общих интересов. Поэтому я совершенно спокойно парировал:

— Ты же сама знаешь, что мы больше трех дней вместе не выдержим. Это объективный факт. Так что не фантазируй... Я тебе могу дать денег, мы потом с Сидом сами разберемся. Ночью есть поезд до Москвы, проходящий мурманский. В Москве пересадку сделаешь и все, никто тебя не найдет.

Лисичка задумалась.

— Звучит заманчиво. А сколько денег ты мне дашь?

Я пожал плечами.

— Ты же не рассчитываешь на миллионы? Ну, пару тысяч баксов я наскребу, больше налички у меня все равно нет.

Она решительно тряхнула головой.

— Ладно, давай. На первое время хватит, а там видно будет. У тебя с собой?

Я усмехнулся.

— Вот как знал, с собой взял...

Лийса потянулась за бутербродом и, взяв один с тарелки, с удовольствием впилась в него зубами. Потом с набитым ртом прошепелявила:

— Да ладно, Шид рашкаживал, ты ш шобой поштоянно кучу денег ташкаешь...

Я серьезно посмотрел ей в глаза.

— А вот это уже ни его, ни тебя не касается.

Мимо столика к выходу проплыли волосатые — меня немало развеселила их походка, казалось, у них колени начали гнуться в обратную сторону, и им приходилось с громадными усилиями поддерживать друг друга. Лисичка покосилась на них.

— Это металлюги, музыканты, я их знаю. Они в Доме офицеров репетируют, у них там база.

Я сделал большой глоток из своего стакана.

— Интересно, чем они так накидались? Мне даже завидно стало...

Лисичка мотнула головой в сторону барной стойки.

— Да вон у Стаса и спроси. У него всегда есть что-нибудь новенькое.

Я машинально посмотрел на бармена и неприятно поразился. Он стоял, облокотившись на полку с бутылками, и смотрел на нас пристальным взглядом. Я проворчал:

— Там, где я вырос, такой взгляд считался поводом для драки...

Лисичка обернулась, посмотрела и махнула рукой.

— Не обращай внимания. Он смотрит сквозь нас, у него такое бывает — он зависает иногда, как бы отключается.

Я отломил половинку оставшегося бутерброда и показал ей на грузного мужчину за стойкой. Казалось, за все время он ни разу не пошевелился, так и глядя в ту же точку.

— Ничего себе здесь атмосферка. Посетители выключаются, бармен тоже. Странно, что еще не прикрыли лавочку.

Лийса пояснила:

— Так чужие здесь не ходят. Они даже рекламу не делают, кому надо, и так знают. Здесь почти до утра открыто.

Я понимающе кивнул. Через несколько минут пиво было допито, сэндвичи съедены, деньги отданы Лисичке. Она пересчитала их и насмешливо посмотрела на меня.

— Я как тот еврей из анекдота. Помнишь, который нашел на дороге пачку денег, пересчитал, а там не хватает. У меня такая же беда. Мне всегда не хватает.

Я безразлично пожал плечами.

— Мне тоже. Так что ты не одинока в этом плане... Как устроишься на месте, позвони, чтобы я в курсе был.

Лисичка придвинулась ко мне поближе и подставила губы для поцелуя. Но я всего лишь легонько щелкнул ее по носу.

— Все, беги, а то на поезд опоздаешь.

Она спросила:

— А ты? Может проводишь меня?

Я улыбнулся.

— Не. У меня есть вопросик к бармену. Хотелось бы его тет на тет обсудить.

Лисичка многозначительно хмыкнула, поднялась из-за стола и грациозной походкой вышла из бара.

Глава 2.

Грузный мужчина все же допил свое вино, неловко слез с высокого табурета и медленно помахал рукой, прощаясь с барменом. Потом обреченно вздохнул и направился к выходу, косолапо ступая стоптанными ботинками по плиткам пола. Стас проводил его пристальным взглядом, не мигая уставившись ему в спину. Его лицо не отражало никаких эмоций и со стороны казалось восковым, слегка бликуя в теплом свете ламп. Этот бар все больше казался мне странным, но это только подстегивало мой интерес — я испытывал азартное желание разобраться в местных движениях, скрытых от посторонних глаз.

Конечно, мне доводилось бывать еще и не в таких шалманах. Некоторые из них напоминали салуны из вестернов, где утром персонал подметает с пола выбитые зубы и отмывает кровь. Но там все было ясно и понятно, никакой интриги — зачастую я мог с точностью до минуты предугадать, когда начнется очередная драка или скандал. Здешняя атмосфера кардинально отличалась — внешне пристойная и даже чопорная, она имела второе дно, не менее опасное и рискованное, чем на Диком Западе, и я это чувствовал.

Таинственные флюиды приятно покалывали кожу, и мне действительно захотелось приключений — последняя пара недель выдалась очень нервная, да и Лисичка добавила негативных новостей. Не то чтобы мне было очень жаль Сиды, но ситуация с ним создавала проблемы, от которых я предпочел бы избавиться, или хотя бы отключиться на какое-то время. Я вдруг совершенно ясно осознал, что имею полное право прямо сейчас оттянуться — мне ведь утром не идти на работу, да и дома меня никто не ждет.

Неожиданно бармен включился в реальность и заботливо спросил, словно отвечая моим мыслям:

— Может, налить вам еще?

Я удивился такому совпадению и даже засомневался, что он обращается ко мне, но обернулся по сторонам и с удивлением обнаружил, что парочка, сидевшая в темном углу, куда-то исчезла. Я не видел, чтобы они выходили из бара, но, возможно, я был слишком увлечен разговором с Лисичкой. И сейчас из посетителей кроме меня никого не было. Поэтому я согласно кивнул:

— Да, было бы неплохо, — и, поднявшись из-за столика, подошел к барной стойке и забрался на табурет.

Стас уточнил:

— Еще стаут? Или хотите попробовать что-то другое?

Я тонко улыбнулся.

— Другое. Но начнем, пожалуй, с портера.

Стас сделал вид, что не услышал намек в моем голосе, и, взяв чистый бокал, начал невозмутимо наполнять его черным напитком. Я машинально наблюдал за его действиями и обратил внимание на искусно выполненную татуировку между большим и указательным пальцем на правой руке — иссиня-черный скорпион. Мне не хотелось ломать голову, что он означает, хотя где-то я читал, что скорпион — это символ Иуды Искарота.

Стас поставил бокал на стойку и снова замер, сложив руки на груди. Я жестом показал на пустой зал и спросил:

— Не так-то много у вас посетителей?

Бармен смерил меня долгим взглядом и равнодушно пожал плечами.

— Такое бывает. Затишье. Несколько факторов — погода, время, день недели. У нас по пятницам обычно аншлаги. Люди ценят интеллектуальное времяпрепровождение.

Я счел необходимым сделать комплимент заведению:

— Мне здесь нравится. Эта обстановка неуловимым образом напоминает какую-то важную часть моего прошлого. Достаточно трудно ясно и точно выразить словами это ощущение, оно слишком ускользающее, почти несуществующее, чтобы целиком ухватить его. Но я надеюсь, вы поняли, что я хочу сказать.

Он улыбнулся.

— Со мной можно на «ты». Меня зовут Стас.

— А я Джем.

Стас снова приветливо улыбнулся.

— Рад нашему знакомству... Да, конечно, я все понял. Я по образованию психолог. Так вот, в отношении прошлого — наше прошлое так же эфемерно, как и будущее. Мы моделируем его сами, здесь и сейчас, потому что нам важно, чтобы оно соответствовало нашему теперешнему мировоззрению.

Я уточнил.

— Ты хочешь сказать, что мы выдумываем свое прошлое?

Стас отрицательно покачал головой.

— Скорее, это конструктор, в котором мы меняем детали без ущерба для общей картины. Мы творцы, мы создаем свои личные миры из разрозненных кирпичиков реальности.

Я сделал глоток из бокала и зажмурился от удовольствия — портер оказался именно таким, как я любил. Стас понимающе посмотрел мне в лицо и довольно улыбнулся. Я продолжил разговор:

— Не совсем понимаю твою мысль... Ты хочешь сказать, что реальность у каждого своя?

Он утвердительно кивнул.

— Естественно. Два разных человека не могут одинаково воспринимать окружающий мир. Они понимают его в силу своих личных, сугубо индивидуальных установок, в соответствии с конструктами, которыми их загрузили с детства. Более того, даже события собственной жизни один и тот же человек с течением времени будет интерпретировать по-разному. То есть, моделировать свое прошлое.

— Ну да, с годами все становятся умнее...

Он поморщился и покрутил головой.

— Нет. Далеко не все. И необязательно с годами. Ты просто прочувствуй такой момент — ты вошел в этот бар, но того тебя уже нет, есть другой человек, который уже изменился. Ты получил новые знания, пережил свежие эмоции, ты стал немного другим, и когда выйдешь отсюда, твоя реальность тоже будет другой.

Я рассмеялся.

— Хотелось бы на самом деле ощутить себя творцом реальности. Уж я бы натворил дел...

Стас даже не улыбнулся.

— Ты не осознаешь мою мысль. А она проста, — он веско, с большими паузами, проговорил каждое слово. — Мы сами создаем свою реальность. Непрерывно. Мы — боги, которым это дано от рождения.

Я сделал еще глоток портера.

— Ты знаешь, я слышу слова, смысл каждого из них мне понятен, но общая мысль действительно ускользает от меня. И я не понимаю ее.

Он пристально посмотрел мне в глаза. Было что-то в этом взгляде неприятное, настаивающее, хотя я не мог понять, что именно. Мне хотелось отвернуться, но я, наоборот, деланно-простодушно вытаращился на него — мне было интересно, куда он выведет разговор.

Он усмехнулся.

— А тут нечего понимать. Смысл один — прошлое эфемерно, оно существует лишь в твоём воображении, а будущее тоже эфемерно, потому что еще не существует. И таким образом что такое жизнь?

Я широко улыбнулся.

— Миг между прошлым и будущим. Песня даже есть такая.

Стас многозначительно прищурился.

— Вот-вот. И все ее слушают, но не осознают. А мы реально существуем на грани, рассекая поток иллюзий, который из будущего перетекает в прошлое.

— И можем его менять?

Стас кивнул.

— Мы всегда меняем прошлое. В зависимости от своих установок в настоящем. Даже на бытовом уровне — попробуй рассказать мне о себе, и, если будешь честным сам с собой, увидишь, что созданный тобой образ будет сильно отличаться от оригинала.

Я проворчал.

— Именно поэтому я не люблю рассказывать о себе.

Стас ухмыльнулся.

— Это только пример. А возьми шире... Если кто-то начнет рассказывать историю народа, государства, общества, религии — будет это хотя бы чему-то соответствовать?

Я попытался возразить.

— Ну а как? Есть же профессиональные историки...

Стас категорично заявил.

— Нет. Потому что прошлое — это иллюзия. Можно говорить только о каких-то более-менее правдоподобных интерпретациях этой иллюзии, да и те постоянно меняются в соответствии с требованиями текущего момента. Таким образом, что получается?

Я непонимающе хлопнул глазами.

— Что?

— На самом деле вся Вселенная в настоящий момент находится лишь в твоём воображении, и, как таковой, ее не существует. Реален лишь этот бар, затерянный в бесконечной пустоте.

Почему-то мне стало очень не по себе после этих слов, хотя я и понимал, что это всего лишь теория.

— Получается, если я выйду за дверь, то рискую также потеряться во времени и пространстве?

Стас взял чистый бокал на длинной ножке, налил немного вина из бутылки с темной этикеткой с золотой монограммой и сделал глоток. Потом спокойно подтвердил:

— В какой-то мере так оно и есть. Все зависит от состояния ума. Пока мозг работает, он непрерывно поддерживает существование действительности, созданной им же, и ты имеешь возможность более или менее свободно ориентироваться в ней. Но малейший сбой в его работе оборачивается непредсказуемыми последствиями. Это один аспект. С другой стороны, для меня ты в любом случае оказываешься затерянным в пространстве, ибо, выходя за дверь, ты покидаешь и мой мир, мою реальность. Равно как и я для тебя перейду в разряд иллюзорных воспоминаний, лишенных материального воплощения.

Я отпил еще немного портера из своего стакана и признался:

— У меня уже нет сил поддерживать планку разговора на таком высоком уровне. Мы не можем поговорить о более приземленных вещах?

Он проницательно сощурил глаза.

— О каких, например?

Я соорудил покерфейс и нарочито наивно спросил:

— А у вас в баре интеллектуальное времяпрепровождение заключается только в таких заумных разговорах? В размышлениях о тайнах бытия?

Стас не смутился и совершенно серьезно ответил.

— Обычно это только начало. Своеобразная прелюдия к феерическому мегашоу фантазии в театре мечты.

Я вежливо приподнял брови, обозначая искренний интерес, как того требовали правила игры, обусловленной его возвышенным тоном и цветистостью выражений.

— И что это за шоу?

Он чуть прищурился, но не стал злоупотреблять театральными эффектами, испытывая мое терпение, и коротко обронил.

— Дыхание огня.

Я удивился — мне это абсолютно ничего не говорило, хотя я считал себя если не специалистом, то, во всяком случае, достаточно образованным любителем в различных видах культурного досуга. Видя мое недоумение, Стас пояснил.

— Это название напитка. Конечно, я мог бы рассказать тебе историю его происхождения начиная от Гермеса Трисмегиста, но мы же оба понимаем, что на поверку она окажется иллюзией. Поэтому скажем так: согласно древнему мифу, напиток под названием «Дыхание огня» использовали для совершения ритуальных обрядов.

Я проворчал:

— Надеюсь, без человеческих жертвоприношений?

Стас пожал плечами.

— А уж это как пойдет. «Дыхание огня» всего лишь помогает встретиться с самим собой.

— Ты опять говоришь загадками?

— Нет. Тут все просто. Ты думаешь, что знаешь себя? Но ведь тебя много. Есть ты, которого ты себе придумал, и есть ты, который придумал, что ты его придумал. Есть ты для друзей, и есть ты для врагов. Есть ты для себя, и есть ты для меня. Какой из них настоящий? «Дыхание огня» не оставляет этих вопросов — ты узнаешь себя.

— Звучит заманчиво. А что нужно, чтобы попробовать этот чудесный напиток?

Стас несколько высокомерно ухмыльнулся.

— Кроме денег и желания, в общем-то, ничего.

Я сделал глоток портера.

— И много денег?

— Сотню «грин», то есть, сто американских долларов.

Видно, у меня сильно вытянулась физиономия от удивления, потому что он заулыбался.

— Поверь, это совсем недорого. «Дыхание» не может не понравиться, и, скорее всего, ты придешь снова в любом случае. Наша, скажем так, маркетинговая политика ориентирована на формирование эксклюзивного, но стабильного круга постоянных клиентов, а вовсе не на широкие массы плебса. Поэтому у нас тут всегда тихо. Нам не нужны толпы невменяемых креатинов, ничего не смыслящих в подлинно интеллектуальном наслаждении жизнью. И бумажка с портретом Бенджамина Франклина — это пропуск в мир откровений. Эзотерика для посвященных.

Едва ли есть способы более тонко польстить самолюбию человека, нежели подчеркнуть его избранность, интеллектуальную утонченность. Приятно сознавать себя принадлежащим к некоей конгрегации, занимающей особое положение среди безликой серой массы безымянных людишек. Лет пять назад я бы тут же повелся на эту приманку, но накопившийся жизненный опыт, выработавший критический взгляд на многие вещи, отучил мазаться таким откровенно дешевым маслом.

Я со спокойной душой пропустил слова Стаса мимо ушей, не заостряясь на них, хотя и не показал виду. Если вступаешь в новую игру, то всегда нужно придерживаться уже существующих правил, или, по крайней мере, создавать видимость этого. Поэтому я не стал больше спорить, тем более что лишняя сотня особой погоды не делала, и, достав из бумажника купюру, протянул ее Стасу.

— Ты же наверняка знаешь, что Франклин был масоном, и, как поговаривают, принимал участие в знаменитом «Адском клубе» Этот клуб прославился своими спиритическими сеансами, странными мистическими обрядами и алхимическими опытами...

Стас понимающе ухмыльнулся.

— Да, в этом есть определенный символизм. Поэтому именно его портрет сейчас и открывает другой мир.

Он взял купюру, мгновенно спрятал ее и сразу как-то внутренне подтянулся, стал более сосредоточенным. Откуда-то из недр стойки появилась невзрачная глиняная кружка с отбитой ручкой. В лощенном антураже бара она выглядела инородно, но в этом диссонансе крылась настоящая магия — я почему-то сразу почувствовал, что «Дыхание огня» нельзя приготовить в обычном шейкере. В кружку Стас бросил зеленые листья какого-то растения и стал понемногу добавлять напитки из разных бутылок. Его руки мелькали, совершая привычные до автоматизма движения, а я замороженно наблюдал за процессом, словно присутствуя в средневековой лаборатории алхимика.

В апофеозе действия Стас накрыл кружку деревянной пластинкой с выжженными на ней непонятными знаками и скороговоркой прочитал какие-то слова — я толком не смог разобрать, но мне показалось, что это была латынь. Потом он перелил содержимое в конический бокал на тонкой ножке и поставил его на стойку передо мной. Я протянул было руку, но Стас сделал предостерегающий жест указательным пальцем, и я замер. Он взял свою блестящую зажигалку и поджег напиток.

Я понаблюдal за красивыми желтыми и синими языками, плясавшими на поверхности прозрачной жидкости и вопросительно посмотрел на Стаса.

— И что, это надо прямо с огнем пить?

Он усмехнулся.

— У некоторых получается. Но это, конечно, уже высший пилотаж. Сейчас огонь погаснет... Вот, теперь можешь пить.

Я осторожно взял бокал и сделал небольшой глоток. Напиток оказался очень терпким, вяжущим рот, и оставлял горькое послевкусие. Я поднял глаза на Стаса.

— За такие деньги я ожидал чего-то более изысканного.

Он спокойно возразил:

— Это ведь не «Маргарита». И вкус здесь не имеет никакого значения.

Я через силу допил содержимое бокала, стараясь не дышать — все равно что пил водку, которую терпеть не мог. Стас молча наблюдал за мной. Я поставил пустой бокал на стойку и сказал.

— Ладно, буду надеяться, что это не напрасно. Я давно не пил более отвратительного напитка.

Он пожал плечами.

— Ты скоро все поймешь сам. Тайны мира не могут быть приятными на вкус. Познание всегда отдает горечью.

Я улыбнулся.

— Как незрелое яблоко в Эдемском саду?

Он насмешливо парировал:

— Как уксус, смешанный с желчью...

Я вдруг почувствовал легкое головокружение, которое быстро усиливалось. С каждой секундой вращение все ускорялось, пока наконец в голове не образовался огненный шар, крутящийся с такой бешеной скоростью, что бесполезно было даже просто проследить его движение. Ставшее враз невесомым тело полностью потеряло чувствительность, словно вся жизнь заключенная в нем, сконцентрировалась в голове, и внезапный взрыв энергии оторвал ее напрочь.

Я как-то отчетливо понял, что еще немного, и я упаду на пол прямо возле барной стойки, тем самым зарекомендовав себя в глазах Стаса как самозванец и кретинствующий псевдоинтеллектуал, недостойный посвящения в эзотерические тайны бытия. Конечно, мне не привыкать оказываться полной свиньей для абсолютного большинства окружающих, но если останется возможность не наплевать в колодец, из которого, быть может, еще не раз придется пить, то надо стараться ее использовать. Невероятным усилием мне удалось взять себя в руки, и я спросил сквозь зубы:

— А где туалет в вашем заведении?

Стас невозмутимо указал на черную дверь. Я осторожно сполз с табурета и как сомнамбула поплелся в указанном направлении. Ноги плохо слушались меня, но я изо всех сил старался сохранять равновесие. Мне почему-то казалось, что если я сейчас умою лицо ледяной водой, то мне сразу станет лучше. Но я ошибался.

В полутемной камерке с тусклой лампой под самым потолком я сунул голову в умывальник под струю воды и в таком положении простоял почти минуту. Но мне становилось только хуже. Странные волны накатывали одна за другой, приподнимая меня и переворачивая, и я уже практически перестал понимать, что происходит. Разогнувшись, я вытер ладонями мокрые волосы и бросил взгляд в большое зеркало над умывальником.

Сначала я даже не понял, что происходит, но тут же дикий ужас сковал меня с головы до ног. Я стоял в старенькой замшевой куртке, наспех надетой прямо на футболку после звонка Лисички, и смотрел на свое отражение в длинном черном пальто и дорогом костюме, с золотой пентаграммой на груди, висевшей на красивой витой цепочке. Мой двойник из зеркала смотрел мне прямо в глаза и усмехался.

Я почувствовал, что схожу с ума и, желая потрогать зеркало, чтобы убедиться в реальности происходящего, протянул руку, но она не встретила ожидаемой преграды и провалилась в пустоту. Ослепительно вспыхнув, беззвучно взорвался мозг, и, отчаянно закричав, я медленно опустился на пол, погружаясь в хищную тьму, а в меркнувшем сознании стояла наводящая ужас усмешка моего отражения.

Глава 3.

Крупные капли дождя стучали по крыше машины — погода как-то резко испортилась, но меня это мало трогало. В салоне было тепло и уютно, удобное кресло мягко обнимало меня, а магнитола подмигивала в такт тихой музыке зелеными огоньками эквалайзера. И мне не было дела до мрачного сырого города, притаившегося вокруг. Я знал, что черные глазницы окон слепы и безжизненны, и они не видят безлюдный бульвар, возле которого была припаркована моя машина.

Белесые клочья тумана дрожали и извивались под порывами ветра в призрачно-матовом свете фонарей, расплывшихся бесформенными бледными пятнами. Тени деревьев, переплетаясь неслышными змеями, ползли по земле, выжидаяще замирая у границы неверного света, бессильного победить осеннюю мглу. Со стороны все очень напоминало обстановку плохого фильма ужасов, где режиссер не придумал ничего лучшего, как нагнетать саспенс при помощи избитых штампов. Того и гляди, со стороны озера потянутся оборотни и вурдалаки.

Холодные струи воды хлестали по сильно поредевшим кронам задумчивых кленов, сбивая желто-красные листья. Причудливо изрезанные лоскутки кружились несколько мгновений в истеричном беспорядочном хороводе и обреченно падали на мокрый асфальт. Разноцветный ковер постепенно накрывал бульвар, создавая минорное настроение и настраивая на элегический лад.

Время тоскливо тянулось, растягивая каждый миг в вечность, но я привык ждать. Секунды тяжелыми каплями разбивались о лобовое стекло и ползли вниз, оставляя за собой кривые дорожки. И глядя, как они сливаются в общие струйки и исчезают, я понимал, что дождь — это аллегория безвременья, в котором растворяется все, что когда-то казалось важным.

Я курил сигарету, выпуская тонкие струйки дыма в узкую щель приопущенного бокового стекла, и совершенно не чувствовал вкуса. Так бывает, когда перед этим выкурил несколько сигарет подряд за короткий период. Хотелось пить, но воды в машине не было, и я слегка досадовал на себя, что не позаботился об этом заранее. Все как всегда — вокруг тебя потоки воды, а тебе не достается ни глотка.

Я не знал, сколько еще мне здесь сидеть, но неопределенность не волновала меня, просто хотелось, чтобы ожидание поскорее закончилось, и можно было поехать домой. Сигарета догорела почти до фильтра, и я аккуратно вытолкнул окурок за стекло. И в этот момент разглядел на бульваре женскую фигурку. Даже быстрого взгляда хватило, чтобы убедиться — это Лисичка, я узнал бы ее даже из тысячи похожих. Ее желтый плащ был самым ярким пятном на ночном бульваре.

Я мгновенно напрягся и машинально сунул руку за пазуху, нащупав теплую рукоятку пистолета в наплечной кобуре. У меня не было никаких переживаний, все давно было решено. Коротко вздохнув, я открыл дверь и вышел из машины. Ветер тут же набросился на меня, растрепав полы длинного черного пальто из кашемира, а капли дождя колюче стеганули по лицу.

Лисичка быстро приближалась, но еще не видела меня — она шла, низко опустив голову и пытаясь обходить лужи. Ее высокие каблочки звонко цокали по асфальту. В руках у нее был маленький черный чемоданчик-«дипломат», и я удовлетворенно ухмыльнулся — все складывалось, как надо. Застегнув пальто и подняв воротник, я пошел прямо по газону в ее сторону, стараясь оставаться в тени деревьев. И когда до нее оставалось несколько метров, я ступил в свет фонаря и с усмешкой поздоровался:

— Доброй ночи, Лийса! Прогуливаешься?

Она ощутимо вздрогнула и остановилась как вкопанная. Потом ладонью вытерла лицо и с ненавистью выдохнула:

— Ты откуда тут взялся?

Я засмеялся.

— Вот, тоже гуляю. Тебе помочь чемоданчик донести?

Она отступила на шаг.

— Пошел ты. Я не отдам. Это мое.

Я удивленно приподнял брови.

— Да? Это как же так получилось? Как это стало твоим?

Она жестко отрезала:

— Вот так. Мне нужны деньги. На Сида теперь никакой надежды, из дурки его вряд ли выпустят. А мне надо жить. Я хочу уехать отсюда.

Я почувствовал, как меня разбирает злость — в этом «дипломате» почти полтора года поиска и экспериментов, бессонные ночи, разочарования и неудачи. Наши с Сидом полтора года жизни. И когда, наконец, все получилось, удача вдруг опять легко могла ускользнуть. Сид имел право на этот чемоданчик, я тоже, Лийса — нет.

Я покачал головой.

— Лийса, это мой чемоданчик. Ты не сможешь уехать с ним.

Она зло усмехнулась.

— Ты так думаешь? У меня поезд через час. Я уеду.

Я приветливо улыбнулся.

— Тебя подвезти на вокзал? Я на машине.

Она поджала губы.

— Обойдусь. Дай мне пройти.

Я протянул руку.

— Давай чемоданчик и иди куда хочешь.

Она злобно прищурилась.

— Отвали. Ты ничего не получишь. Если ты попробуешь у меня отобрать, я заявлю в милицию. Тебя посадят.

Я пожал плечами.

— Ты используешь запрещенные приемы, Лийса, друзья так не поступают.

— Ты мне не друг.

— Я уже догадался. Но ты же знаешь, что уже есть договоренности с людьми. Они будут волноваться и искать тебя.

Лийса скривила губы.

— Нет, они будут искать тебя. Мне звонили сегодня. Я им дала твой адрес и телефон. Все, отвали, мне некогда, у меня поезд.

Я вздохнул. Удача действительно ускользала из рук, и я не мог просто стоять и смотреть на это.

— Послушай, Лийса. Ты получишь деньги. Хорошие деньги. Мне надо выполнить свою часть договоренностей с людьми, и я поделюсь с тобой. Это реальнее, чем то, что задумала ты.

— Поздно. У тебя был шанс все решить, но ты сам не захотел.

Я вдруг почувствовал, что больше не хочу ее уговаривать. У меня не осталось никаких симпатий к этой женщине — чужой, злобной, жадной. Я смотрел на нее и не понимал, как раньше мог испытывать к ней страсть. Сейчас она производила крайне неприятное впечатление — с перекошенным мокрым лицом, поджатыми губами и прищуренными глазами, она стояла, вызывающе глядя на меня, и практически не оставляла мне выбора.

Я пожал плечами и сделал шаг в сторону, позволяя ей пройти. Она презрительно хмыкнула и, высокомерно вскинув голову, подчеркнуто независимо прошла мимо. В тот же момент

я быстро сунул руку за пазуху и, выхватив пистолет, почти не целясь, выстрелил ей в затылок. Разом обмякшее тело ничком рухнуло на мокрую листву, а чемоданчик отлетел в сторону.

Я посмотрел на неловко подвернутые ноги Лисички, но не испытал никакой жалости — наоборот, меня накрыла злость от того, что все вылилось в такую развязку. Я давал ей шанс все решить мирно, но она не захотела им воспользоваться, и получилось то, что получилось. Я убрал пистолет в кобуру, осторожно обошел тело Лисички и, нагнувшись, поднял «дипломат». Он оказался довольно тяжелым, и я не сомневался, что в нем именно то, что мне нужно.

Я вернулся к машине и, сняв пальто, бросил его на заднее сиденье, а сам сел за руль. Поворот ключа зажигания оживил лампочки на панели приборов и разбудил спящую мощь двигателя, зарывавшего сдержанным басом. Чемоданчик я положил на пассажирское сиденье рядом с собой, но не стал открывать сразу — мне хотелось поскорее убраться подальше от этого места.

Мне не встретилось ни одной машины, город крепко спал. Пустые улицы позволяли не ограничивать скорость, и уже спустя несколько минут я был на шоссе, которое вело в Пески, курортное местечко на другой стороне озера. Мне хотелось посидеть в одиночестве на песчаном пляже и прикинуть, как действовать дальше. У меня теперь были все возможности получить очень большие деньги, но это требовало максимальной концентрации усилий. И я знал, что мне нельзя ошибиться, потому что в противном случае очень легко разделить с Лисичкой ее судьбу.

Глава 4.

Судорожно вздохнув, я сделал невероятное усилие и открыл глаза. И тут же вздрогнул всем телом от неожиданности — так меня поразило увиденное. Я сидел на холодном песке, привалившись спиной к колесу машины, а передо мной застыл черный глянец ночного озера. Я сразу же узнал этот пляж, хотя не бывал здесь уже несколько лет.

Пески. Любимое место городской молодежи. Летом здесь всегда можно встретить пяток-другой машин любителей романтического уединения, стоящих на приличном расстоянии друг от друга. Но сегодня больше ни у кого не возникло желания посетить этот прелестный уголок, на всем пустынном пляже стоял только мой черный «Тандерберд». И у меня не было ни малейшего понятия, как я здесь оказался.

Я вскочил на ноги и огляделся. Высокие сосны, окружавшие сцену пляжа перед зрительным залом озера, тихо перешептывались между собой, обсуждая прибытие неизвестного артиста, и время от времени скептически покачивали кронами под слабым дуновением належавшего ветерка. И как дебютант, от волнения забывший свою роль, я растерялся от величия нерукотворной картины неизвестного художника и лишь нервно глотал свежий влажный воздух, наполненный ароматом хвои.

Наверное, именно в такие моменты понимаешь вдруг всю глубину шекспировской мысли о том, что жизнь — это театр. Казалось бы, только совсем недавно ты вдохновенно и самозабвенно пытался обмануть зрителей, заставлял их верить в то, что ты настоящий, а не придуманный образ, что это твои собственные мысли и чувства, а не плод воображения драматурга. Но вдруг погас свет, и ты остался один среди грандиозных декораций, прервавшись на полуслове и непонимающе озираясь вокруг.

И только тогда вспоминаешь, что это еще не спектакль, а лишь репетиция, и в зале сидели не зрители, а твои коллеги, изображающие их, и они давно разошлись по своим делам. А единственно, кого удалось обмануть, так это самого себя. И все, чем ты жил минуту назад, оказалось таким мелким, смешным и глупым, что сам удивляешься, как можно было всерьез это воспринимать. И делается неловко и стыдно, словно поскользнулся на ровном месте, выписав нелепый пируэт на глазах у многочисленных прохожих. Каждый старается убедить других, а в первую очередь самого себя, что живет не зря, и его существование имеет смысл, хотя все, чем он занимается, всего лишь трагифарс с заранее известным финалом. Тысячу раз прав Соломон — все суета.

Голова слегка кружилась, сознание плавало, и я никак не мог сфокусировать его. У меня то и дело выскакивали перед глазами картинки, сменяющие друг друга, как в калейдоскопе — холодный дождь, безлюдный бульвар, клочья тумана... И желтое пятно плаща Лисички на мокром асфальте... Я даже плечами передернул от страха и отвращения.

Я не мог объяснить даже самому себе, что это было — сон, видение, галлюцинация... И не хотел думать об этом. Надо было сосредоточиться на настоящем моменте. Я похлопал по карманам куртки и нашел мятую пачку, в которой оставалось несколько сигарет. В кармане джинсов нащупал зажигалку, достал ее и прикурил, выпустив тонкую струю дыма. Стало чуть полегче — привычные действия помогли немного прийти в себя.

Но вдруг меня пронзила страшная догадка, и я кинулся к машине. Открыв водительскую дверь, я наклонился и вытащил из-под сиденья пистолет «ТТ». Уже пару лет я практически не расставался с ним, даже тайничок сделал в машине, чтобы при случайном досмотре на дороге его не обнаружил какой-нибудь ретивый инспектор. Но за это время мне ни разу не довелось использовать пистолет по назначению, что не могло не радовать — я не любитель силовых методов.

Я осторожно понюхал ствол, боясь почувствовать кисловатый запах недавней стрельбы, но нет, из пистолета точно никто не стрелял. Это меня успокоило. Сон, всего лишь сон... Да и детали не совпадали. Во сне у меня точно была другая машина, не «Тандерберд» — я попытался более подробно вспомнить панель приборов, но не смог. В любом случае, моя магнитола светится по-другому. И такого пальто у меня не было. Так что Лисичку я точно не убивал.

Однако, у меня не было объяснений, как я оказался в Песках. Обычно, если я иду в бар, я даже ключи от машины с собой не беру — мне давно уже не нужны приключения с пьяной ездой по городу. И если я все же приехал на другой берег озера и совершенно не помнил как это случилось, то возникал вопрос — а что же такое я пил? Неужели на меня так действовало «Дыхание огня»? Или это пчела летала вокруг граната...

Но ответов не было. Я убрал пистолет обратно в машину. Сигарета догорела почти до фильтра, и я аккуратно затушил окурочек в песке. Глаза уже достаточно адаптировались к темноте, и неподалеку я разглядел черное пятно кострища и пару-тройку довольно больших обугленных сучьев около него. Тут же пришла мысль развести огонь — я уже целую вечность не сидел возле лесного костра. Это показалось мне настолько соблазнительным, что я не побоялся поискать сухих веток и вскоре собрал приличный запас. Оживив в памяти навыки разжигания огня, мне практически сразу удалось добиться положительного результата, и скоро желтое пламя весело затрещало, причудливо играя на блестящем боку моего «Буревестника».

Я достал из багажника коврик и удобно расположился на нем в приятной близости к теплу костра, пристально наблюдая за мечущимися огненными языками. Ночная прохладная тьма отступила, и песчаный пляж стал самым уютным местом на свете. Картина получилась прямо по всем канонам романтики — иссиня-черное небо, золотые звезды, желтый костер, черный автомобиль на белом песке и застывший шоколад озера чуть поодаль.

Я настолько проникся антуражем, что в голове зазвучала индейская флейта Пана, и тут же извивающейся змеей в уши вполз стройный ритм ручных барабанов и вводящий в транс звон шаманского бубна, в такт которому заплясали языки огня. Нетрудно было представить, что я сижу где-то в лесной глуши на берегах озера Гурон, и вот-вот должны появиться мои давние друзья из племени шайенна во главе с вождем по имени Последний Рассвет.

В этот момент я вдруг увидел какую-то темную фигуру далеко слева — она приближалась и, казалось, шла прямо по черной поверхности озера. Я буквально оцепенел от такого видения, но тут же пришло в голову простое объяснение — не иначе как кто-то шел по берегу, линия которого в этом месте наверняка делает причудливый изгиб, вот и получился такой необычный обман зрения. Это соображение несколько успокоило меня, хотя появление здесь в такое время любителя пеших прогулок само по себе могло вызвать подозрения — далековато от города. Впрочем, разных чудачков хватает.

Фигура между тем еще приблизилась, и в ее облике мне почудилось что-то смутно знакомое, хотя я не мог уловить, что же именно. Пристально вглядевшись, я убедился, что этот человек определенно мне неизвестен. Был он среднего роста, такой же тощий, как и я, только менее сутулый. Выцветший до белизны «ливайсовский» костюм и разношенные кожаные сандалеты выглядели несколько архаично, а длинные темно-русые волосы, волнами спадавшие почти до плеч, и борода усиливали это впечатление. Казалось, что незнакомец перешагнул в наше время из самой середины семидесятых годов. Сейчас даже самые консервативные рок-музыканты уже так не одеваются.

Трудно было сразу понять, сколько ему лет, но я почему-то решил, что едва ли он старше меня. С ленивым любопытством наблюдая, как он неторопливо подходит к костру, я отметил какой-то необыкновенный взгляд серых глаз незнакомца — казалось, они лучились внутренним теплом, очень по-доброму и чуть-чуть насмешливо. И в то же время, в них не было ни малейшего намека на хитрость и лукавство — словно он улыбался ими, хотя лицо оставалось серьезным. Он поднял руку в приветствии и произнес:

— Мир тебе.

Это прозвучало достаточно необычно, у меня в мозгу щелкнул какой-то тумблер ассоциативного мышления, и я не совсем в тему брякнул:

— И тебе мир, бледнолицый.

Незнакомец непринужденно рассмеялся и присел возле костра прямо на песок.

— Я не помешаю, если посижу немного?

Я пожал плечами.

— Да сиди, пожалуйста, мне не жалко.

Почему-то я обратил внимание, что его сандалеты были насквозь мокрыми, но на мой молчаливый интерес он только махнул рукой.

— Пустяки, высохнут скоро.

Индийская музыка в ушах стихла, и я вдруг как-то отчетливо прочувствовал, что вся окружающая обстановка слишком идиллична, чтобы быть натуральной. Скорее она напоминала макет какой-то местности в музее природоведения. Пластмассовый мир, в котором встретились два пластмассовых человека и теперь ведут пластмассовый разговор. Словно желая найти подтверждение этой мысли, я довольно бесцеремонно поинтересовался у незнакомца:

— А ты кто?

Он не удивился и с легкой улыбкой ответил:

— Ангел.

Я только рукой махнул:

— Понятно... А где твои крылья?

Он ничего не ответил, только продолжал улыбаться. Я проворчал:

— Ты бы хоть пластмассовые прицепил... Да и что-то я не видывал ангелов в джинсах... Хотя, если честно, я их вообще не видел, только на картинках... Конечно, мы всегда склонны излишне идеализировать самих себя, но не до такой же степени.

Незнакомец не смутился и пояснил:

— Ангел – это имя.

Мне стало немного неловко, и, не желая показать этого, я грубовато спросил:

— Ты болгарин, что ли?

Он неопределенно качнул головой:

— Да как сказать... — что он имел в виду, я не совсем понял, но уточнять постеснялся.

Он посмотрел мне в глаза.

— А ты чего здесь среди ночи сидишь?

Я хмыкнул.

— Лучше сидеть среди ночи у костра, чем бродить по темноте. Ты сам-то здесь что делаешь?

Он слегка наклонил голову влево и чуть прищурил глаза.

— Просто хожу, гуляю, на мир смотрю.

Я скептически усмехнулся.

— В темноте много разглядишь?

Он улыбнулся в ответ.

— Тебя-то вот увидел же. Да и остальной мир не такой темный, каким кажется. Главное, самому оставаться светлым.

Я пренебрежительно махнул рукой.

— А, знаю-знаю, можешь не продолжать. Если свет в тебе — тьма, то какова тьма... Ну, типа того... Ты ведь не проповедовать пришел, надеюсь? А то, честно сказать, я не расположен к таким вещам.

Он успокаивающе вскинул ладони.

— Даже не переживай. Я сам не терплю проповеди.

— Ну и ладно. Кто светел, тот и свят, а мне это не грозит. Я человек приземленный, в облаках не витаю.

Ангел сухой веточкой поправил толстые сучья в костре и задумчиво сказал:

— А святость — это не про облака.

Мне стало интересно.

— Да? Надо же. У меня с этим словом какие-то сусальные ассоциации связаны. Слащавые и приторные. А что имеешь в виду ты?

Он немного помолчал и задумчиво ответил:

— Знаешь, для меня святые — это те, кто нашел выход из лабиринта миражей.

Я пожал плечами.

— Я не уверен, что понял тебя.

— Это не так сложно, как кажется. Большинство людей воспринимают жизнь, как восхождение. Они постоянно лезут наверх, им нужно все больше и больше — вещей, денег, знаний, эмоций, впечатлений. Им кажется, что так они смогут добраться до вершины мира, и там будет совсем другая жизнь.

Я возразил.

— А разве нет? В этом мире все решают ресурсы — чем больше их у тебя, тем качественнее твоя жизнь. Сам знаешь небось — деньги это власть, а власть — это деньги. *Money is the power power is the money...*

Ангел внимательно посмотрел на меня.

— Все относительно. Чего стоят все эти ресурсы, когда приходит время идти туда, откуда не возвращаются? Там они бесполезны...

Я сморщил нос.

— Не. Во-первых, эта перспектива слишком далекая, во-вторых, точно все равно никто ничего не знает, а, в-третьих, я вообще думаю, что это все мифы и легенды древней Греции.

Ангел не стал спорить.

— Допустим. У меня, конечно, другое мнение, но речь сейчас не об этом. Люди сами расставляют для себя приоритеты. И для кого-то становится важно не восхождение, а нисхождение. Спуск в лабиринт своего «я». Там, в глубине, они находят свет, который открывает истинную реальность.

Я саркастически ухмыльнулся.

— А эта реальность, значит, ложная?

Ангел невозмутимо ответил.

— А это вообще не реальность. Это паутина иллюзий, в которой человек запутывается, как муха.

Я вздохнул.

— Вы сегодня все сговорились мне мозг сломать, что ли? Один задвигал про реальность, солипсист хренов, теперь вот ты... А я потом оказываюсь неизвестно где и неизвестно почему.

Ангел серьезно сказал:

— Ты сам меня спросил про святых. Я всего лишь отвечаю на твой вопрос. Человек существует на стыке миров. Духовный мир, то есть мир духов — это такая же реальность, но ее нельзя увидеть обычными глазами. Однако погружение в него открывает другое зрение. И тогда ты видишь мир как он есть, во всем своем совершенстве и целостности.

Я прищурился, глядя на желтые лепестки, пытавшиеся вырваться из огненного цветка в неумолимом желании пожрать все вокруг, и задумчиво спросил:

— Кто может взвесить огонь?

Ангел понимающе улыбнулся.

— А как измерить объем ветра? Или кто может вернуть прошедший день?

Я перевел взгляд на него.

— Верно. Так разве дано кому-нибудь узнать то, что сокрыто от глаз?

Он кивнул:

— Дано. Но очень немногим. Зеркало мира разбито на миллиарды осколков, и каждый из людей смотрит лишь в крошечное отражение настоящего, воображая, что видит все. Но даже себя самого разглядеть способны только единицы.

Я ехидно усмехнулся.

— Это все слова. Где он, этот твой мир? Можно его потрогать?

Ангел широким жестом обвел пространство вокруг себя.

— Да вот же он. Это все внутри тебя, твой персональный идеальный мир. Просто ты сам еще не осознал это.

Весь этот вязкий разговор, полный многозначительных намеков, начал меня утомлять. Поэтому я полушутливо подмигнул Ангелу и весело спросил:

— Но шансы есть? Удастся мне осознать?

Он едва заметно кивнул.

— Думаю, да. Просто осознание будет трудным.

Я не нашелся сразу, что ему ответить. Почему-то навалилась сильная усталость. Мягкий плеск воды и вкрадчивый шорох мохнатых сосновых лап убаюкивали меня, и мне становилось все труднее поддерживать разговор. С каждой секундой веки становились все тяжелее, и, глядя на огонь сквозь подрагивающие ресницы, я чувствовал, что глаза мои превратились в щелочки, не хуже, чем у какого-нибудь китайца. Я осторожно прилег, уместившись на коврик, и в тот же миг черный купол неба с золотой россыпью бесчисленных звезд резко надвинулся на меня, до звона в ушах сдавив голову невыносимым грузом.

Ангел участливо наклонился надо мной и слегка встревоженно спросил:

— Что с тобой? Тебе плохо?

Я проворчал заплетающимся языком.

— У меня такое чувство, словно я напился из кубка забвения Рипа Ван Винкля. Я так хочу спать, как будто не спал целую вечность...

Он встревоженно затряс меня.

— Слушай, Рип Ван Винкль, ты, главное, в своих снах не заблудись... Давай, вставай, я тебя хотя бы в машину посажу...

Я отрицательно помотал головой и попытался сделать глубокий вдох, но у меня ничего не получилось, и я просто провалился в черную пустоту.

Глава 5.

Кто-то сильно тормозил меня, и откуда-то издалека я услышал грубоватый голос:

— Эй, Рип Ван Винкль, проснись... Здесь тебе не ночлежка!

Я с трудом открыл глаза и тупо обвел взглядом окружающее пространство. Женский голос сказал:

— Смотри, Эрик, похоже, он вообще в ауте.

Мужской голос возразил:

— Нет, вроде включается. Сейчас отойдет.

Сознание мое сфокусировалось, и я понял, что нахожусь на полу в туалете перед умывальником. В неверном свете тусклой лампы под потолком все вокруг казалось унылым и мрачным, а от грязного кафеля на полу тянуло ледяным холодом. У меня не было сил раздумывать, как я здесь оказался — мысли вообще еле ворочались в голове, превратившейся в кастрюлю с киселем.

Рядом со мной стояла та самая молодая парочка, которая сидела в углу бара, когда я пришел. Сейчас я рассмотрел их получше. Эрик был необычно смуглым и черноволосым для наших мест, он, скорее, напоминал итальянца, хотя говорил без малейшего акцента. Он с усмешкой глядел на меня свысока, широко расставив ноги в вытертых джинсах и засунув руки в карманы синей «кенгурухи».

Его подруга, брюнетка лет тридцати с короткой стрижкой, была одета в серый брючный костюм, больше подходящий для офиса, нежели для ночных посиделок в баре. Она брезгливо скривила тонкие губы и высокомерно сказала:

— Эрик, попроси его выйти, мне в туалет надо.

Я тяжело вздохнул и поднялся с пола.

— Извините, я сейчас... Мне надо умыться...

Эрик понимающе кивнул и сделал знак своей спутнице.

— Анита, дай человеку в себя прийти. Подожди пару минут за дверью.

Она недовольно фыркнула, но вышла и закрыла за собой дверь. Я кивнул Эрику.

— Спасибо... Что-то я, видимо, не рассчитал нагрузку...

Он дружелюбно улыбнулся, продемонстрировав белоснежные зубы.

— В барах это часто бывает.

Я посмотрел на себя в зеркало и тихо ужаснулся — лицо было так помято, будто я неделю в коматозе провел. Открыв кран, я подставил ладони под струю холодной воды и, набрав пригоршню, с удовольствием умылся. Эрик стоял рядом и с едва заметной улыбкой наблюдал за мной. Я спросил:

— Давно я тут лежал?

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Мы с Анитой только пришли, она захотела в туалет, а тут ты. Она меня на помощь позвала, и я тебя разбудил.

Я с благодарностью кивнул.

— Спасибо. На таком холодном полу вполне можно почки застудить.

Эрик засмеялся.

— Ты в другой раз пуховик надевай. А то курточка легковата у тебя.

Я кривовато усмехнулся, сделав вид, что поддержал шутку, и похлопав себя по карманам, убедился, что бумажник на месте. Одернув куртку, я застегнул повыше молнию и еще раз посмотрел в зеркало — взгляд у моего отражения был уже более осмысленным. Надо пробираться домой. Я еще раз поблагодарил Эрика и вышел в коридор. Анита стояла у стены и,

холодно скользнув по мне презрительным взглядом, тут же скрылась за дверью. Оттуда слышались голоса — видно, они с Эриком что-то обсуждали, но слов я не разобрал.

Барная стойка выглядела островком света среди окружившей ее тьмы пустого зала. Я не сразу заметил там Стаса, но, оказалось, он просто сидел в углу на стуле. У него был отсутствующий взгляд, направленный прямо перед собой, но стоило мне только забраться на высокий табурет, как Стас встрепенулся и спросил:

— Ты уже вернулся?

Я непонимающе хмыкнул.

— Откуда?

Тень усмешки скользнула по его лицу.

— Оттуда, где ты был...

Я потер кончик носа и признался.

— Меня выключило в туалете, и я уснул на полу.

Он как-то неопределенно протянул:

— Ну-у, можно и так сказать...

В его голосе мне послышался какой-то намек, но у меня не было ни сил, ни желания разбираться в нюансах, поэтому я всего лишь попросил воды. Стас невозмутимо поставил на стойку высокий прозрачный стакан с толстым дном и аккуратно наполнил его водой из пластиковой бутылки. Я жадно проглотил почти половину, и мне показалось, что я ничего вкуснее не пил.

И вдруг перед глазами замелькали кадры странных воспоминаний — холодные капли дождя на лице, порывы ночного ветра, шорох листвы, влажный запах тумана... И тугой звук выстрела, и глухой стук упавшего тела... Все было так явственно, будто я действительно вернулся с безлюдного бульвара, безжалостно убив Лисичку. Меня даже передернуло от этой мысли, и я с трудом подавил приступ тошноты. Голова слегка закружилась от жуткой слабости, до такой степени выкачавшей из меня жизнь, что я, наверное, был похож на резиновую игрушку, из которой выпустили воздух.

Стас сочувственно спросил:

— Что-то не так?

Я только рукой махнул и поинтересовался.

— У вас тут есть телефон?

Он поставил на стойку черный аппарат, который по виду вполне мог стоять в Смольном еще во времена революции. Я удивленно приподнял брови, но Стас коротко пояснил.

— Раритет. Подарок одного клиента. Он работает лучше современных.

Я осторожно снял трубку и прислушался — действительно, звук сигнала был громким и отчетливым. Покрутив железный диск, я набрал номер Лисички и выждал семнадцать гудков, но она так и не ответила — скорее всего, она уже уехала на вокзал. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать. Но какой-то тревожный червячок пошевелился в глубине души. Вот ведь воистину неразрешимая проблема — бежишь, бежишь от людей, но как только на самом деле оказываешься один, сразу наваливается такая тоска, что, кажется, сил не хватит справиться с ней.

Черная дверь в правом углу открылась, впуслав в зал Эрика и Аниту. Они направились к дальнему столику, и Эрик, проходя мимо стойки, попросил Стаса:

— Можно нам по бутылочке светлого и соленых орешков?

Стас занялся их заказом, а я задумался. У меня было какое-то странное ощущение, что все происходит как бы не со мной — словно я смотрел на себя со стороны, оставаясь при этом непосредственным участником происходящего. Достаточно трудно объяснить словами это состояние, но я чувствовал, что сознание мое раздваивается — это было очень неприятно. Я даже испытал легкую тошноту, но сумел справиться с приступом, допив воду из стакана.

Интересно, что там Стас намешал в это «Дыхание огня»? Судя по отчетливой реальности снов, там могло быть все что угодно, вплоть до мексиканских кактусов.

Эрик что-то объяснял Аните. Я не хотел прислушиваться, но обрывки разговора все равно долетали до моих ушей — голос у Эрика был громкий и самоуверенный. И говорил он с поучающими интонациями:

— Ты пойми, почти у каждого человека есть страшная тайна. Тайна, которую не открывают даже своим близким. Люди внутри себя убеждены, что неправильно воспринимают жизнь, не понимают в ней чего-то главного.

Анита возразила:

— Да ладно. Мне, наоборот, кажется, что каждый убежден лишь в собственной правильности, что только он и знает, как надо жить.

Эрик заявил:

— Это блеф. Для людей важно убедить других в том, что они живут настоящей жизнью. И это создает у них чувство превосходства и уверенности в себе. Потому что они соответствуют.

— Чему?

Эрик усмехнулся.

— Неважно. Идеалы у всех разные. Главное — соответствовать, не выбиваться. Все, как у людей, и даже лучше. Но глубоко внутри остается чувство незавершенности, отсутствия смысла во всем происходящем...

Анита засмеялась.

— А смысл обязательно должен быть?..

Эрик что-то ответил, но я уже не услышал. Смысл, смысл... Слишком большая концентрация разговоров о смысле.

Стас отнес заказ, вернувшись за стойку, посмотрел на меня и негромко сказал:

— Не имеет смысла искать смысл там, где его и быть не может.

Я проворчал:

— Ты мысли мои читаешь, что ли?

Он равнодушно пожал плечами.

— Можно подумать, это тайна за семью печатями. У тебя на лице все написано.

Я машинально потер ладонью лоб. Стас усмехнулся.

— Может, полотенце дать?

Я сначала недопонял, но потом махнул рукой и рассмеялся.

— Не надо. А то так остатки интеллекта сотру.

Стас безразлично пожал плечами и снова замер с в каких-то своих мыслях. Я достал из кармана сигареты и закурил. Вязкая атмосфера бара действовала на меня странным образом — у меня было такое чувство, что я попал в самый центр безвременья, где еще теплилась какая-то жизнь, а за пределами круга, выхваченного софитами барной стойки, притаилась хищная пустота, готовая все растворить в себе.

Внезапно в сознание снова ворвался голос Эрика. Он опять что-то объяснял Аните.

— Ты понимаешь, свобода выбора — это миф. Мы всегда делаем свой выбор, уже имея четкие рамки. В нас с детства закладывают определенные конструкты. И больше всего в этом преуспел кинематограф.

Анита улыбнулась.

— Ты так любишь эти фильмы...

Эрик ухмыльнулся.

— Именно! В кино нам показывают эталоны — мы начинаем одеваться, как люди на экране, мы подражаем им в словах, мы копируем их поступки и модели поведения. Все хотят быть крутыми, богатыми и независимыми. И кинематограф успешно штампует эти образы. Чтобы мы понимали, к чему нам надо стремиться...

Анита спросила:

— И ты стремишься?

Он рассмеялся.

— Конечно. Мы все стремимся, но не у всех получается одинаково хорошо. Но если бы у меня получалось плохо, разве ты обратила бы на меня свое внимание?

Анита предложила:

— Может, нам домой пойти? Посмотрим какой-нибудь фильм...

Эрик нарочито громко ответил с похабным смешком:

— Ну, если только немецкий какой-нибудь. Про сантехника или чистильщика бассейна...

Я посмотрел на Стаса и, поджав губы, чуть заметно покачал головой. Он понимающе усмехнулся и спросил.

— Не хочешь повторить «Дыхание»? Это надежное средство от всех проблем...

Я согласился.

— Пожалуй, ты прав.

Он чуть прищурившись, внимательно посмотрел на меня, потом кивнул, словно отвечая каким-то своим мыслям, и взяв старую кружку, начал готовить напиток. Я понаблюдал за его манипуляциями, потом аккуратно затушил окурок в пепельнице и сказал:

— Я вот, например, боевики очень люблю смотреть. Хотя там всегда все ясно, кто побеждает в финале. Законы жанра такие.

Стас поставил передо мной бокал на тонкой ножке.

— Да, но настоящие шедевры получаются только у тех, кто эти законы нарушает.

Глава 6.

Чистая, восхитительная музыка, плывущая серебряной нитью в прозрачном, как слеза, воздухе, услаждала мой слух. Я понимал, что ангелы где-то здесь. Струны невидимой арфы тихонько дрожали под нежными пальцами, и хрустальный ручеек льющихся звуков уносил прочь все тревоги, даруя неизъяснимую радость. Сладостный аромат царства волшебных снов, источаемый изящными красными цветами, доносился со всех сторон, наполняя меня чудесной истомой. Я не сомневался, что это и есть рай.

Упиваясь неземным блаженством, я дышал полной грудью, вбирая в себя бескрайнюю синеву неба, с каждым вдохом приближаясь к нему и становясь его частью. Воспарив над янтарными полями, я летел, раскинув руки и смеясь от восторга, ощущая себя властелином Вселенной, хозяином мира, способным заключить его в свои объятия. Безбрежный океан любви ласково покачивал меня на своих волнах, поднимая все выше и выше и открывая моему взору все страны земли в едином мгновении времени. Глядя на все это великолепие, я слышал чей-то голос, проникновенно шепчущий мне в ухо: «Я дам тебе власть над этими царствами, и славу их, потому что она предана мне, и я хочу, чтобы она стала твоей». И я знал, что так и будет.

Ощущение собственного могущества пьянило, как вино. Хотелось кричать от сумасшедшей лавины абсолютного счастья, обрушившейся на меня. Сверкающим дождем звезды сыпались к моим ногам, озаряя небо разноцветными вспышками, и не было сомнений, что они чувствуют своего повелителя. С тихим звоном растворились ажурные золотые ворота, и трубный глас позвал меня за собой в изумрудную зелень чарующего сада. И величаво ступая по шелковистому ворсу ковра из трав, я чувствовал, что это и есть вершина жизни.

Внезапно черная тень нависла над садом, застилая солнечный свет. Подняв голову, я увидел свинцово-серую птицу, из клюва которой сыпались белые шарики, тут же распускающиеся куполами парашютов. Безоблачное доселе небо потемнело, засверкали молнии, и сплошной стеной встали косые струи дождя, с грохотом водопада ударившие в землю. Не успев толком разобраться в происходящем, я вдруг был пронзен стрелой полнейшей обреченности. Ледяной вакуум пустоты обжег сердце жутким холодом. В отчаянном порыве гибнущей души я закрыл лицо руками и горько зарыдал, оплакивая потерянный рай.

Все исчезло, ничего не осталось – чудесное видение сада растаяло без следа. Во все стороны простиралось лишь мокрое поле с пожухлым бурьяном под мрачно нависшими тучами, яростно извергающими потоки воды.

Через пару секунд десант неведомых человекоподобных существ в уродливых скафандрах приземлился поодаль. Повсюду зазмеились языки пламени, с тугим шумом вырывавшиеся из сопла огнемета. Щупальца страха плотно обвили меня. Камнем свалившись в высокую траву, я беззвучно притаился в надежде, что меня не заметили. Но уже приближались гортанные голоса, вызывавшие отвращение, и нервы мои не выдержали.

Вскочив, я изо всех сил помчался по мокрому полю, не обращая внимания на плети дождя, злобно хлеставшие по лицу. Ноги вязли в раскисшей земле, путались в длинных стеблях травы, издевательски цеплявшихся за одежду. Казалось, вся природа восстала против меня. Краем глаза я заметил, что несколько существ бросилось за мной в погоню, и с полнейшим отчаянием понял, что мне не уйти. Бездна бег в никуда, стимулированный невыносимым ужасом, заранее обречен на неудачу, но я продолжал бежать.

Однако силы быстро покидали меня, и расстояние между преследователями катастрофически сокращалось. Несколько метров я еще преодолел по инерции, слыша за спиной яростное дыхание, и наконец в изнеможении свалился в скользкую грязь, больно ударившись о какой-то предмет под одеждой. Не успев ничего сообразить, я сунул руку в карман и, ощутив успокои-

тельную тяжесть рукоятки пистолета, выхватил его, и крик торжества непроизвольно вырвался из моего горла.

Я снова получил надежду на жизнь! У меня есть шанс спастись! Волна безумной радости гулко ударила в грудную клетку, наполняя бешеной энергией, и, распрямившись, как пружина, я, не целясь, навскидку, разрядил пол-обоймы в ближайшие ко мне фигуры двоих врагов. Автоматически отметив стопроцентное попадание, я вспомнил компьютерные игры и молниеносно послал еще две пули прямо в голову третьего.

Аллея Хогана — ведь это так просто, только нужно успеть выстрелить первым. Словно споткнувшись, мой враг прервал свой бег и, нелепо взмахнул руками, подлетел вверх, чтобы тут же рухнуть ничком на землю. Но пальцы его, толстые и противные, в последней судороге сжались на металлическом обручке, и сухой треск автоматной очереди разорвал сгустившийся воздух. Мою левую руку обожгла острая боль, вспыхнув в глазах мириадами ослепительных искр, и когда спустя несколько мгновений ко мне вернулось зрение, я понял, что сошел с ума.

Холодные капли дождя, шипя кислотой, падали на мое пылающее лицо, совершенно не освежая его, по мокрым волосам стекали за воротник кашемирового черного пальто. Мои лакированные ботинки и концы брюк были забрызганы жидкой грязью, а я стоял во дворе ресторана «Максим» с еще дымящейся после выстрелов тяжелой «ТТшкой» в руке, тупо уставившись на распростертые у моих ног трупы трех человек в милицейских камуфляжах. Трагическую тишину, обволакивающую этот сюрреализм, вдруг разорвало яростное шипение одного из них, и далекий голос тревожно спросил:

— Семнадцатый, семнадцатый, что там у вас? Прием!

Нечеловеческий вопль, исполненный ужаса, многократно отразился эхом от выжидающе замерших мокрых стен безлюдного двора-колодца и рассыпался глумливой насмешкой режиссера: «Не верю!» На секунду я оцепенел в неистовой надежде, что сейчас это наваждение сгинет. Но мой взгляд упал на слишком алое для кетчупа пятно, расплывшееся около лежавшей на асфальте короткостриженной головы, и электрическим током пронзило понимание, что это не театр.

Острой болью разорвало грудь. В кровь выплеснулось такое количество адреналина, что перехватило дыхание, и волосы на голове встали дыбом. Но уже в следующее мгновение сработал древний инстинкт самосохранения, невидимой рукой крепко сжав в кулак все мысли, шумным роем пытавшиеся прорваться в мозг, и я опрометью бросился бежать от этого страшного места.

На ходу заменив обойму в пистолете и спрятав его в карман пальто, я не понимал, зачем это сделал, как не понимал, куда бегу. Некая сила сама выбирала мой путь, безошибочно ориентируясь в лабиринте проходных дворов и серых переулков. Сознание фрагментарно фиксировало мелькающие с калейдоскопической быстротой разрозненные куски пространства, выхватывая из него коробки незнакомых домов, настороженные двери подъездов, угрюмые арки, обшарпанные стены.

Я даже не пытался определить свое местонахождение в этих безлюдных джунглях, гонимый страхом все дальше и дальше. Как там назывался фильм про человека, бегущего по лезвию бритвы, каждый шаг которого транслировали по телевидению в прямом эфире на всю страну? Теперь у меня была прекрасная возможность побывать в его шкуре, и в каждом окне, стеклянно взиравшем на сумасшедшего спринтера в длинном пальто, мне чудились пара злорадных глаз и рука, тянущаяся к телефону. Оглушительный грохот ботинок казался невыносимым, гулко отдаваясь в окружающей тишине, и я не сомневался, что его слышит весь город.

Но мало-помалу пришлось сбавить темп. Подкашивающиеся колени дрожали от усталости, оказываясь повиноваться, и в конце концов я не выдержал и мешком свалился на мокрую скамейку в маленьком скверике, упиравшемся в глухую кирпичную стену темного дома. Я узнал это место — по-крайней мере, оно находилось достаточно далеко от «Максима», и меня

даже удивила собственная прыть. Тяжелое дыхание со свистом рвалось из пересохшего горла, в котором, казалось, застрял острый осколок. Сердце колотилось в бешеном ритме, отбойным молотком отдавалось в готовой лопнуть голове, и все тело сотрясала крупная дрожь, которую я тщетно пытался унять.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мне удалось более или менее успокоиться и отдышаться после этой безумной гонки. Я находился в состоянии какого-то ступора, отключившись от действительности, словно робот, у которого произошел сбой программы. Какие-то далекие, будто чужие, обрывки мыслей высвечивались на тусклом дисплее, давя и мешая друг другу, и в этой каше возможно было разобрать лишь отдельные слова.

Не поддаваться панике... взять себя в руки... операция «Паутина»... поиск и перехват преступников... усиленные патрули... ОМОН и СОБР... убит при задержании... срочно нужно убежище... нельзя оставаться на улицах... чердаки и подвалы проверяются в первую очередь... фоторобот... город перекрыт... 72 часа... пожизненное заключение... не паниковать... упасть на дно...

Машинально сунув руку в карман пальто, я обнаружил зажигалку и мятую пачку сигарет. Мокрыми негнувшимися пальцами с трудом вытащил одну, кривую и сморщенную, и долго щелкал отказывавшейся работать зажигалкой, пока наконец удалось прикурить. Делая глубокие затяжки и абсолютно не накуриваясь, я тупо смотрел в одну точку перед собой, не видя ничего вокруг.

Глава 7.

Стук легких каблучков по асфальту неожиданно ворвался в сознание. Мгновенно насторожившись, я резко обернулся, чувствуя, что начинаю паниковать. Ничего хорошего от людей ждать не приходилось, и рука сама скользнула в карман, крепко сжав холодную рукоять пистолета. Однако я увидел всего лишь какую-то девушку в очках. Она озабоченно куда-то спешила, низко наклонив голову с длинными светлыми волосами и пряча лицо от холодных капель.

Очки с толстыми стеклами в старомодной круглой оправе красноречиво свидетельствовали о сильно испорченном зрении их обладательницы. Зная, сколько неудобств они доставляют в дождь, я мог с уверенностью предположить, что меня девушка просто не заметила. Я немного успокоился, удовлетворенный этим обстоятельством. Тут же в работу включилась память, с быстротой молнии перелистывая расхожие сюжеты американских боевиков, устроив настоящий ретроспективный показ. Мне вдруг стало ясно, что нужно сделать.

В одну секунду выстроился простой до банальности план. Не имея времени колебаться и раздумывать, я отчетливо понял, что при удачном раскладе эта девчонка может стать моим пропуском обратно в жизнь, если только... Если только фильм не голливудский — там плохих парней всегда в конце убивают. Подобная перспектива представилась настолько живо, что парализующая слабость одним вдохом высосала все остатки энергии. Я на мгновение провалился в ватную тишину, но она тут же сменилась шумом усилившегося дождя. И властный шепот перекрыл вдруг все мысли:

— Чего ты медлишь, идиот? Лучшего шанса не будет!

Откуда-то появилась спокойная уверенность, что все получится. Стараясь ничем себя не выдать, я двинулся вслед за девушкой, держась на некотором расстоянии и не выпуская из виду ее худенькую фигуру в дешевом драповом полупальтишке. Она явно торопилась и почти не обращала внимания на мутные реки воды и пузырящиеся под ногами лужи, лишь изредка приподнимала подол длинной юбки, чтобы не забрызгать.

Конечная цель ее пути оказалась неподалеку. Миновав еще один двор, она устремилась к угловому подъезду старого трехэтажного дома послевоенной постройки — с облезлыми грязно-белыми рамами и серой штукатуркой, покрытой паутиной трещин.

Я вспомнил, как однажды погожим майским днем привозил сюда Сид. Тогда все выглядело совершенно иначе. Весело блестело солнце, нежно зеленели первые листья, а лавочки у подъездов были оккупированы довольными старушками, с детским любопытством взиравшими на красивую черную машину и двух беспричинно смеющихся бездельников. Интересно, к кому тогда приезжал Сид? Я даже не спросил — мне было безразлично, куда ехать и зачем. Хотелось просто покататься по весеннему городу, радуясь теплу и свету...

Каким недостижимо прекрасным и счастливым показалось мне вдруг то время! Словно узник, брошенный в бездонный черный колодец, поднял голову и с тоской взглянул на ярко-голубой круг неба, понимая невозможность дотянуться до него. И тем омерзительнее стала мокрая серая пустота двора, безжалостно смывшая ту красочную картину.

Я судорожно вздохнул, чувствуя, как растет внутреннее напряжение, и быстро поглядел по сторонам. Ничего подозрительного я не заметил, и это отсутствие свидетелей придало мне сил. В тот момент, когда раздался щелчок кодового замка и девчонка распахнула дверь, я оказался у нее за спиной и резко втолкнул ее в гулкое чрево темного подъезда.левой рукой я жестко зажал ей рот, буквально раздавив все попытки издать какие-то звуки, а правой уткнул ей в бок вороненый ствол пистолета. Она даже не дернулась, и я прямо физически ощутил волну парализовавшего ее волю ужаса. Крепко прижав девчонку к себе, я наклонился к самому ее уху и, не узнавая собственного голоса, со змеиным присвистом прошептал, отчетливо и веско выговаривая каждое слово.

— Слушай меня внимательно. Это не ограбление и не изнасилование. С тобой ничего не случится, если не будешь дергаться. Не будь душой. Малейший звук — и я стреляю. Тебе понятно?

Она едва уловимо кивнула, и, удовлетворенный этим, я продолжил:

— Смотри, я тебя предупредил. Все зависит от тебя. Я не причиню тебе вреда, если ты все сделаешь правильно. Ты живешь в этом доме?

Девчонка снова утвердительно кивнула. Я быстро спросил:

— Кто-нибудь есть в квартире?

Она явно замешкалась с ответом, и мне пришлось резко ткнуть стволом ей под ребра.

— Не вздумай врать. Сделаешь хуже себе. Отвечай быстро, дома кто-нибудь есть?

Девушка поспешно мотнула головой, и я понял, что она не обманывает.

— Хорошо. Сейчас мы пойдем к тебе в гости. Очень тебя прошу, не дергайся. Какой этаж? Первый? Нет? Второй? Хорошо. Идем потихоньку. Медленно, спокойно. Помни про пистолет.

Нервы мои звенели натянутыми струнами, и тридцать две ступени на второй этаж показались мне нескончаемо лестницей на эшафот, ведущей во мрак и неизвестность. Вселенная словно сжалась до размеров этого грязного темного подъезда, и в ней не осталось ничего, кроме шарканья шагов, сдерживаемого дыхания и волн страха, разливавшихся вокруг нашего странного тандема. Наконец мы остановились возле обитой коричневым дерматином высокой двери, на которой криво висел алюминиевый номерок «17».

— Здесь? Открывай, только медленно, без резких движений.

Девушка осторожно достала из кармана ключи и, не сразу попав в замочную скважину сильно дрожащей рукой, открыла дверь. Вдруг этажом выше послышался громкий щелчок замка, прозвучавший пистолетным выстрелом, и звонкий детский голос крикнул кому-то.

— Мамочка, я пошла! Закрой за мной дверь!

В ту же секунду, почти не замахиываясь, я сильно ударил девчонку по шее рукояткой тяжелой «ТТшки» и, подхватив разом обмякшее тело, втащил его в квартиру, одновременно толчком ноги захлопнув дверь. Опустив на пол свою пленницу, я одним прыжком пересек прихожую, ворвался в единственной комнату и, окинув ее взглядом, убедился, что в ней никого нет. Тут же метнулся на кухню, держа пистолет, как какой-нибудь спецгент из американского фильма. Там тоже никого не оказалось.

Испытав мгновенное облегчение на грани истерики, я бессильно сполз по стене на пол, чувствуя, как сильно дрожат ноги, но времени расслабляться не было, и, чуть переведя дух, я вернулся обратно в прихожую. Прижав ухо к двери, я некоторое время прислушивался, но в подъезде стояла полная тишина, успокаившая меня.

Повернув замок на два оборота и нажав кнопку блокиратора, чтобы его нельзя было открыть снаружи, я положил «ТТ» на подставку для обуви и, найдя какой-то пояс, крепко связал все еще находящейся без сознания девчонке руки за спиной. Очки, свалившиеся с ее лица, я поднял и, убедившись, что они не разбились, положил рядом с пистолетом. Потом, собравшись с силами, втащил безжизненное тело в комнату, оставив его на полу, прикрытом дешевым синтетическим паласом, а сам рухнул в старое продавленное кресло.

Голова кружилась от слабости, и какая-то деревянная апатия сменила нечеловеческое напряжение. Все вроде бы прошло удачно, и по крайней мере я получил временную передышку, но почему-то не было даже и намек на радость или хотя бы просто удовлетворение, лишь равнодушная пустота, убившая остатки сил. Батарейки безнадежно сели, и, полуприкрыв глаза, я балансировал на краю развернувшейся за спиной пропасти, ежесекундно рискуя опрокинуться в нее. Глупый заяц, не выбравший «дюраселл», интересно, что ты будешь делать дальше?

Тихий стон на полу заставил меня повернуть голову, и, тупо уставившись на маленькую фигурку, начинавшую шевелиться, я сам чувствовал, что сильно торможу, но не мог запустить срабатывающий вхолостую мозг. Окружающая действительность ускользала от меня, как пред-рассветный сон, и мне никак не удавалось сконцентрировать свое сознание. Стон повторился, на этот раз громче, и вдруг генератор реальности ожил, пустив живительный ток, и пронзительно-ясное понимание разом высветило всю картину происходящего со мной. Глубоко вздохнув, я словно вынырнул из безвременья и внимательно оглядел комнату.

Судя по всему, девчонка жила в этой квартире одна. Обстановочка-то довольно нищая. Ветхий диван, которому уже давно пора занять соответствующее место на свалке. Массивный шкаф, переживший, наверное, не одно поколение. Единственный дорогой вещью был фирменный музыкальный центр, стоявший на древнем дубовом столе рядом с рассыпанной грудой компакт-дисков. Стены были увешаны плакатами и постерами с изображением длинноволосых рок-музыкантов, и казалось, здесь присутствовали все кумиры семидесятых: *Pink Floyd*, *Deep Purple*, *Animals*, *Scorpions*, *Janis Joplin*, *Sid Vicious*, *Frank Zappa* и еще очень многие, кого я не мог узнать. В общем, девчонка обитает где-то в том времени. Мне как-то доводилось общаться с подобными экземплярами. Неохиппи. Выдуманный мир, выдуманные идеалы, выдуманная романтика — рано или поздно все рушится, и остается лишь разочарование. До следующей идеи. Все это хорошо знакомо и очень похоже на меня самого. Вечная погоня за иллюзиями.

Почему-то мое внимание привлекла висевшая чуть в стороне большая черно-белая фотография какого-то человека, скорее всего, тоже музыканта, но неизвестного мне. Было что-то необычное в его глазах, смотревших спокойно и немного печально, словно в них таилась невысказанная мудрость, присущая старикам, хотя он был молод. Где-то я уже видел подобный взгляд. И сразу же очень ясно представилось лицо Ангела, странно бликующее в отсветах ночного костра. В глубине души шевельнулось запоздалое признание его правоты, и от этого сделалось так тошно, что я поспешил отвернуться.

— Больно...

Еле слышный шепот настолько совпал с моей мыслью, что я кивнул и раздумчиво произнес:

— Да, наверное, про такое чувство и говорят: душа болит, — но тут же сообразил, что это не Ангел разговаривает со мной, а наконец-то пришла в себя моя пленница. Она попыталась повернуться на бок, но с вывернутыми за спину руками это оказалось не так-то просто, и она снова уткнулась лицом в пол. Я подошел поближе и присел рядом с ней.

— Слушай, ты уж извини меня, я действительно не хотел причинять тебе боль. Так получилось. Это была вынужденная мера. Извини, хорошо?

Она ничего не ответила, но это молчание было настолько пропитано страхом и ненавистью, что, казалось, воздух сгустился. Меня вдруг охватило раздражение от всей нелепости ситуации: надо же, захватив в плен невинную жертву, избив ее и связав, я извиняюсь перед ней за это, да еще и жду сочувствия и прощения. Похоже, у меня начинается какой-то маразм. В приступе злости я резко дернул ее и подтащил к дивану, усадив на пол так, чтобы она могла опереться на него спиной. Потом сходил в прихожую за пистолетом и снова обратился в девчонке, стараясь, чтобы голос звучал внушительно:

— В общем, дело обстоит таким образом. Какое-то время нам придется провести вместе, хотим мы этого или не хотим. Поэтому, чтобы не обострять ситуацию, давай сразу обговорим некоторые правила поведения. Правило первое: ты ничего не должна делать без моего разрешения. Тебе ясно?

Она опять помолчала. Откинув с ее лица мокрые спутавшиеся волосы, я посмотрел ей прямо в глаза, без очков казавшиеся по-детски беззащитными, и подчеркнуто спокойно сказал:

— Послушай, дитя цветов, это ведь не игра какая-то. Ты уже могла убедиться, что все гораздо серьезнее, поэтому лучше бы тебе не показывать свой гонор. Я задал вопрос — тебе ясно?

Не в силах выдержать мой взгляд, она заморгала длинными пушистыми ресницами и вымученно кивнула головой. Я попытался улыбнуться, но сам чувствовал, что улыбка вышла кривоватая.

— Хорошо, что ты меня понимаешь. Теперь второе правило: если ты захочешь что-либо сделать, то должна вспомнить первое правило. Это для твоего же блага, потому что в противном случае мне придется тебя убить. И поверь, это не пустые слова. Тебе понятно?

Девчонка низко опустила голову и устало сказала:

— Понятно. Все понятно. Я тоже смотрела этот фильм, так что можно обойтись без таких дешевых диалогов.

Я даже опешил и не нашел ничего лучше, чем растерянно переспросить.

— Какой фильм?

По ее быстро скользнувшему в сторону взгляду я понял, что мое замешательство не осталось незамеченным. Тем более, она тут же постаралась развить перехваченную инициативу.

— Развяжи мне руки, а? Мне больно. Я и так не сомневаюсь, что ты крутой, поэтому ни к чему устраивать сцены в стиле Тарантино. В конце концов, ты ведь не Джордж Клуни, и даже не Микки Рурк, а я не Джульетт Льюис, так что давай не будем обыгрывать сюжет террориста и заложницы. Я понимаю, у тебя какие-то большие проблемы, но разве я в этом виновата? Довольно по-свински с твоей стороны было бить меня, ты ведь обещал, что ничего плохого не сделаешь. У меня голова просто раскалывается. Фашист какой-то...

По ее тону я чувствовал, что она начинает заводится, и это вполне может вылиться в истерику, но не мог сразу сообразить, как поступить. К тому же ее слова зацепили меня, и где-то внутри ядовитой змеи снова шевельнулась злость. Мне казалось, заложники не должны вести себя так нагло, или на самом деле я выглядел таким болваном? А она как будто черпала силы в моей растерянности.

— Да, просто фашист, изверг! Сейчас же развяжи мне руки, садист! Насмотрелся боевиков и разыгрывает тут супермена. Конечно, почему бы не самоутвердиться за счет слабой незащитной девушки? Ты что, сам не понимаешь, как это низко и пошло? Ну что ты стоишь, как деревянный? Развяжи мне руки, или я буду кричать!

Такой экспансивный напор совершенно не вязался с внешностью девушки, да и сама ситуация предполагала несколько другое поведение с ее стороны. Я понимал, что неосмотрительно позволил ей набрать слишком много очков, и теперь срочно приходилось отыгрываться. Меня буквально затрясло от злости.

— Ты чего базаришь, дура? Или ты думаешь, эта «плетка» шариками стреляет? Только открой рот, и сразу получишь в него пулю.

Она вызывающе на меня посмотрела и скривила губы в презрительной усмешке.

— Не надо держать меня за идиотку. Если ты боишься, что я закричу, потому что могут услышать соседи, то стрелять ты тем более не будешь, ведь тогда они стопроцентно сбегутся.

Я испытал сильнейшее желание ударить ее по лицу, разбить в кровь эту улыбку, заставить ее подавиться собственными зубами. Я был готов выместить на ней все свое безнадежное отчаяние, затаившийся животный страх и ненависть к людям, загнавшим меня в угол. Тихое бешенство накрыло меня. Я быстро подошел к музыкальному центру и включил его на максимальную громкость. Из черных сеток акустических колонок вырвался нечеловеческий рев трэш-метала, сквозь который пробивалось хриплое рычание безбашенного вокала. И чего люди находят в такой музыке?

Схватив с дивана маленькую подушку-думку, я плотно прижал ее к стволу пистолета и повернулся к девчонке. Она сразу все поняла, и гримаса ужаса исказила ее лицо. Я не слышал

ее голоса, но слова уже и не имели никакого значения — я знал, что не убью ее, но ей-то никто об этом не сообщил. Такая наглядная демонстрация силы просто не могла не оказаться действенной, в конце концов, пусть не думает, что это кино.

Выключив звук, я присел на корточки перед девочкой, глядя, как ее сотрясают рыдания, а по лицу целыми потоками льются слезы. Злость моя прошла, и вдруг стало жалко эту симпатичную малышку. Я положил пистолет на пол и, не колеблясь, развязал ей руки.

— Все, все, маленькая, успокойся... Все в порядке... Пожалуйста, успокойся, я прошу тебя...

Я даже погладил ее по голове, как маленькую девочку. Она слабо отстранила мою руку и, исподлобья посмотрев на меня, спросила, все еще всхлипывая:

— Я правильно сыграла эту сцену? Ты этого добивался?

Меня словно пружиной подбросило.

— Да ты чего, совсем дура, что ли? Или ты думаешь, я с тобой шучу?!

Девчонка мгновенно успокоилась и резонно возразила:

— А разве нет? Если бы ты хотел меня убить, то снял бы с предохранителя, без этого пистолет не стреляет. А если бы хотел, чтобы я замолчала, то мог бы просто заткнуть мне рот. Вот и выходит, что ты просто устраиваешь глупый спектакль, шоу для слабонервных. А мне определил в нем роль незащитной жертвы. Ее я и сыграла. Тебе понравилось?

Я понял, что проиграл окончательно, и только обессилено пробормотал:

— Да иди ты на фиг, идиотка. Похоже, ты вообще конченная тварь.

Она грустно улыбнулась:

— Хоть это мне и неприятно, но готова с тобой согласиться. С другой стороны, удивляет подобная логика: ведь это ты тут кривляешься, бьешь меня, трясешь пистолетом, нагоняешь жути, словом, ведешь себя, как скотина, и я же после этого тварь. Что ж, спасибо на добром слове. Кстати, что ты пистолет бросил? Не нужен уже, что ли? Так лучше на стол положи, чтобы случайно не выстрелил. На самом деле я очень боюсь этих штук.

Я машинально поднял «ТТшку» и молча убрал ее в карман. Потом сел в кресло и обреченно обхватил голову руками. Мне до слез было жалко себя, и хуже всего было то, что все труднее становилось понимать происходящее. В этой страшной карусели событий, закрутившей меня, было что-то неправильное, абсурдное, заставляющее сомневаться в реальности того, что со мной случилось. Все, все плохо, и это еще мягко сказано — так глубоко зарываться в дерьмо мне еще не доводилось.

Глава 8.

Девчонка на полу зашевелилась и спросила:

— Ты не будешь против, если я пальто сниму? А то у меня оно промокло насквозь...

Я только рукой махнул.

— Делай, что хочешь. Ты у себя дома, в конце концов.

Она без лишних церемоний тут же поднялась и усмехнулась.

— Спасибо за разрешение. Кстати, а с очками что ты сделал? Я без них как мышь слепая.

Я проворчал:

— В порядке твои очки. На подставке для обуви лежат.

Она сняла свое пальто, оставшись в черном свитере и длинной черной юбке, и вышла из комнаты. Я услышал, как она зашла в ванную и включила воду. Мне почему-то стало все безразлично — даже если бы девчонка внезапно попыталась открыть входную дверь и сбежать, я бы не стал ее удерживать.

Но она, по-видимому, чувствовала себя достаточно спокойно и бежать не собиралась. Во всяком случае, когда она вернулась в комнату через несколько минут, то была уже в домашнем халате, а волосы перехватила резинкой в хвост. Мне она почему-то напомнила Золушку, хотя я, наверное, затруднился бы объяснить это. Тем более что Золушка вряд ли носила очки и, скорее всего, была явно моложе. А девчонке на вид было лет двадцать пять или около того, и, судя по всему, она давно уже не верила в принцев. Я несколько удивленно посмотрел на нее — мне казалось, что заложники должны как-то по-другому вести себя, во всяком случае, не так уверенно. Внезапно она спросила.

— Слушай, Джем, а что у тебя вообще произошло? С чего ты такую дичь вытворяешь?

Я вздрогнул всем телом от неожиданности.

— Ты что, знаешь меня?

— Так, видела... — она неопределенно пожала плечами. — Ты же в «Ярви» любишь зависать.

Я взорвался:

— В каком, на хрен, «Ярви»? Я не был там никогда!

Она не стала спорить, просто понимающе улыбнулась.

— Ну, не был так не был. А случилось-то что у тебя?

Я обреченно махнул рукой.

— Тебе лучше не знать.

Она встала напротив, глядя на меня сверху вниз, и рассудительно возразила.

— Почему? В конце концов, ты у меня дома, сам сказал. Поэтому имею право знать.

Ее спокойный тон действовал на меня магически — мне захотелось рассказать ей все.

Но я удержался и только спросил:

— Как тебя зовут?

Она тихо рассмеялась.

— У тебя действительно память отшибло? Ты случайно не с Сидом вчера развлекался?

А то один в дурке, другой с пистолетом бежит...

Я почувствовал, что у меня волосы шевелятся на голове. Я мог бы поклясться, что никогда не видел эту девушку, но получалось, что, оказывается, давно с ней знаком. Очевидно, вся гамма эмоций отразилась на моем лице, потому что девчонка перестала смеяться и, внимательно взглядевшись, участливо спросила:

— Ты вообще в порядке?

Я сильно потер лоб и тяжело вздохнул.

— Скорее всего, нет. Я вообще не понимаю, что происходит.

Она открыла форточку, впустив в комнату шум дождя и влажный воздух. Потом села на диван, поставила рядом с собой стеклянную пепельницу и закурила сигарету, выпустив тонкую струю дыма. Я спросил:

— Так все-таки как тебя зовут?

Она чуть наклонила голову набок.

— Кайса.

Что-то щелкнуло в голове, какой-то ускользающе-неуловимый всплеск, тень воспоминания, но тут же все исчезло. Но, по крайней мере, я понял, к кому в тот раз приезжал Сид. Она спросила:

— А что ты натворил?

Я всей пятерней с ожесточением потер волосы и с отчаянием выдохнул:

— Я людей убил. Трех омонцов. Меня теперь весь город небось ищет.

Кайса прищурилась и немного помолчала, затягиваясь сигаретой. Потом осторожно спросила:

— А как так получилось? Вроде ты не убийца же...

Я нервно передернул плечами.

— Да если бы я сам понимал... Я в «Ярви» сидел, а потом как-то во дворе «Максима» оказался...

Кайса хмыкнула.

— Значит, все-таки бываешь в «Ярви»... А говорил, не был там.

Я взвился:

— Да я в первый раз там оказался. Мне Лисичка позвонила...

Кайса уточнила:

— Пассия Сиды? Лийса Виртанен?

— Ага, она. Знаешь ее?

Кайса как-то странно отвела взгляд и кивнула.

— Ну, так... Видела как-то... — она немного помолчала и добавила. — По радио сказали, ее ночью убили. Труп нашли в Песках, на пустом пляже. Просили всех, кто обладает какой-то информацией, позвонить в уголовный розыск.

Я ошеломленно потряс головой и растерянно спросил:

— А почему в Песках?..

— А где были должны? — пожала плечами Кайса. — Пески вполне подходящее место, там глухомань сейчас, не сезон ведь. Только непонятно, как она там оказалась...

Она вдруг осеклась и с подозрением посмотрела на меня.

— А тебя, значит, удивляет только место убийства? А сам факт, что ее убили, нет? Ты что-нибудь знаешь об этом?

Я попросил:

— Дай мне тоже сигарету, а то у меня мокрые все...

Она подкинула мне полупустую пачку «Радомских» и жестко приказала.

— Короче, Джем, давай выкладывай все как есть. Потому что меня сильно напрягает эта ситуация. Мне надо понимать, какие проблемы ты притащил сюда.

Я вздохнул, закурил сигарету, и выложил ей все, начиная со звонка Лисички. Кайса слушала внимательно, время от времени задавая уточняющие вопросы безо всяких эмоций, внимательно глядя на меня пронизательным взглядом синих глаз, немного увеличенных толстыми стеклами. Это очень напоминало прием у строгого врача, и для полноты картины не хватало карточки больного, куда записывается анамнез. Я рассказал все с максимальными подробностями и когда закончил, Кайса вынесла свой вердикт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.